

НОРМЫ В ПОЗНАНИИ И ПОЗНАНИЕ НОРМ

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7; e-mail: itkasavin@gmail.com

Вопрос об эпистемической природе нормы – частный случай вопроса о нестандартном определении знания вообще. Можно ли расширить понимание знания за пределы пропозиций, выраженных повествовательным предложением и описывающих некоторое положение дел? Не являются ли особыми типами знания нравственная норма, эстетический идеал, религиозный символ? Данный вопрос обсуждается на примере спора между М. Уайтом и У. Куайном по поводу нормативных и дескриптивных элементов научного знания и морального сознания. Тезис о специальном эпистемологическом статусе науки, ее эмпирическом базисе и используемых методах лежит в основе натуралистической ревизии эпистемологии Куайном. Уайт, напротив, считает научные наблюдения и моральные переживания равноправными средствами обоснования объективного и нормативного содержания как науки, так морали и искусства. С точки зрения современного расширения предмета эпистемологии позиция Уайта представляется более выигрышной, хотя обе стороны, в конечном счете, не выходят за пределы редукции всех культурных феноменов к фактам индивидуального сознания. Разрешением указанного спора может быть поворот эпистемологической рефлексии к исследованию когнитивного содержания всяких культурных объективаций человеческой деятельности и коммуникации, к конкретному анализу форм репрезентации и функций тех или иных когнитивных феноменов в социальных артефактах. С одной стороны, это расширяет предмет традиционной эпистемологии, вовлекая в него все многообразие сознания, а с другой, подготавливает методологические инсайты для культурологии, этики, эстетики, религиозоведения и политологии.

Ключевые слова: эпистемология, нормативность, наука, мораль, дескриптивность, объективация, сознание

NORMS IN COGNITION AND COGNITION OF NORMS

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, professor, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 7 Universitetsky lane, 603000, Nizhni Novgorod, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The question about epistemic nature of norms is a special case of discussing the non-standard definition of knowledge. Is it possible to expand the understanding of knowledge beyond the propositions expressed by narrative sentence and describing what takes place? Might a moral norm, an aesthetic ideal, a religious symbol be taken as specific types of knowledge? Thesis on the special epistemological status of science, its empirical basis and methods lies in the basis of naturalistic revision of epistemology by Quine. White, on the contrary, considers scientific observations and moral experiences equal means to justify objective and normative content in science as well as in morality and art. With regard to the contemporary expansion of the subject matter of epistemology White is more advantageous, although both sides ultimately do not extend beyond reduction of all cultural phenomena to the facts of individual consciousness. The resolution of the dispute under consideration can be provided by the turn of epistemological reflection to the study of the cognitive content of

cultural objectivizations of human activity and communication, to the analysis of specific forms of representation and functions of whatever cognitive phenomena in the social artifacts. On the one hand, this extends the subject-matter of traditional epistemology by involving all the diversity of consciousness and on the other hand, this prepares methodological insights for cultural and religious studies, ethics, aesthetics, and political science.

Keywords: epistemology, normativity, science, morality, descriptive, objectivization, consciousness

Когнитивное многообразие – предмет эпистемологии

Старый спор о природе человеческого познания – спор, начатый задолго до Сократа, – сегодня по-прежнему далек от завершения.

В рамках классической эпистемологии Нового времени, едва успевшей зафиксировать особенность своего предмета, особенно явно обозначились трудности с определением понятия «знание». Можно ли, следуя традиционной логике, считать знанием лишь выраженные в языке суждения, подлежащие бинарной истинностной оценке? Является ли формой знания нравственная норма, художественный образ, религиозный символ, философская проблема? Прав ли был Аристотель, фактически видевший познавательное содержание не только в том, что именовалось «эпистеме» (научное знание в современном понимании), но и в таких феноменах, как вера, мнение, нравственное суждение, повседневный опыт, практический навык? Заслуживает ли названия «знание» опровергнутая научная теория, на определенном этапе истории признанная заблуждением? Наконец, как быть с неосознаваемым (и бессознательным) содержанием человеческих представлений, с познавательными предпосылками, герменевтическими «пред-рассудками», с так называемым неявным знанием (М. Полани), с кантовскими априорными формами? В XX в. эти вопросы обрели свою остроту в связи с кросс-культурными исследованиями и анализом первобытного сознания (К. Леви-Строс, Э. Эванс-Причард), с проблемой демаркации науки и метафизики в философии науки (К. Поппер), с дискуссией о соотношении науки и идеологии в социологии науки (К. Манхейм), с противостоянием «двух культур» – естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, с контркультурными идеями «наукизации мистики» и «мистизации науки», с исследованием возникновения науки и проблемой рациональности [Касавин, 1999, с. 25–56].

Есть основания согласиться с Л.А. Микешиной [Микешина, 2007] и поспорить с распространенным мнением, что такие понятия, как ценность, норма, идеал, символ не имеют отношения к предмету эпистемологии. Норма, в частности, – понятие несравненно бо-

лее широкое, чем элемент морально-нравственного сознания. Здесь нужно вспомнить, что, согласно этимологическим словарям, первоначальный смысл этого термина (*norma*, лат.) возникает еще в контексте античной геометрии и означает перпендикулярную линию к поверхности Земли, искусство построения которой было особенно важно для строительного дела. С «нормой» ассоциировались «мера угла», «плотницкий квадрат» и, наконец, «образец» и «правило». Критический анализ тех смыслов, которые в дальнейшем были приписаны норме в этике и правоведении, является специальной задачей и нуждается в отдельном исследовании [Невважай, 2014]. Два главных смысла нормы, которые требуют обязательного разграничения, могут быть обозначены как эмпирический и трансцендентальный. В первом случае (экономика, социология, медицина) имеется в виду описание среднестатистического стандарта в достигнутом состоянии общества или индивида, которое, в том числе, подлежит количественной оценке. Второй (мораль, право, религия) смысл имеет качественный характер и содержит долженствование и предписание, а также санкции. Смешение этих двух смыслов порождает недоразумения, например, в нормативной эпистемологии, которая требует от науки или философии некоторого состояния, которое ранее не являлось сколько-нибудь характерным, а потому и выступает как недостижимая утопия, противоречащая природе данного явления. Эпистемическое содержание нормы иллюстрируют когнитивные нормы, выражающие ролевую структуру сообщества, в котором каждый субъект выполняет свою когнитивно-коммуникативную функцию («эрудита», «критика», «генератора», «модератора» и т. п.). И одновременно норма предполагает равноправие субъектов перед определенными стандартами и если не требует гомогенности сообщества, то очерчивает сферу компетенции, выход за пределы которой грозит нарушением консенсуса.

Одним из первых, кто в явной форме ввел понятие нормы в теорию познания, философию сознания и языка, был Л. Витгенштейн в форме идеи «следования правилу», которая до сих пор продолжает инспирировать дискуссии [Kripke, 1982; Bloor, 1997; Holtzman, Leich, 2010]. Витгенштейн подчеркивал именно первый, эмпирически-описательный смысл нормы как обычного правила в фактической ситуации. Его концепцию нередко используют для критики нормативного определения знания и нормативной, т. е. классической эпистемологии.

Известное определение знания как «субъективного образа объективного мира» (В.И. Ленин), как отражения объективной реальности вполне совместимо с его аналитическим определением как «обоснованного истинного убеждения» (А. Айер). Оба они проходят по ведомству эпистемологической классики и в равной мере сомнительны, хотя и по разным причинам: первое слишком широко и неточно, а второе слишком узко. На некоторые конкретные трудности

классического определения знания указал Э. Геттиер, который в своей известной статье [Gettier, 1963] спорил, в частности, с Айером. Именно последний за семь лет до этого утверждал, что «необходимыми и достаточными условиями для знания о том, что нечто имеет место, является, во-первых, то, что высказывание о знании истинно, во-вторых, то, имеется уверенность в этом и, в-третьих, то, что некто имеет право быть в этом уверенным» [Ayer, 1956, p. 34].

Подобного рода определения базируются на онтологических постулатах, относящих знание к реальности, или методологических максимах, задающих тип обоснования. Эти постулаты и максимы в свою очередь являются элементами философских концепций, определяющих нормативные критерии отграничения знания от того, что им не является. Но если отнестись к познанию как процессу, в котором одни образы и фрагменты знания постоянно заменяются другими – в зависимости от исторической эпохи, от некоторого мировоззрения, типа деятельности и коммуникации, – то возникает следующий вопрос. Возможно ли такое понимание знания, которое было бы ориентировано не на демаркацию, но на наиболее полный учет всего, что является знанием? И будет ли предикат «являться знанием» отличим от предикатов «считаться знанием» или «функционировать как знание»? Если такое понимание принять за возможное, то не только истинное научное знание, но и заблуждения, фантазии, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения окажутся формами знания. Ибо эти феномены формируют определенную картину мира, в которой живет человек, свидетельствуют об уровне освоения им реальности, о характере практикуемой деятельности и общения. Они, тем самым, позволяют человеку достигать функциональной регулярности в окружающем мире, являются формой его встроенности в мир, а потому и по-своему коррелируют с этим миром, говорят о нем – с той или иной степенью соответствия.

Всякое состояние или форма сознания имеет определенное познавательное, т. е. относимое к объекту, содержание. Знание – родовой признак сознания, последнее в своем фило- и онтогенезе формируется и, далее, воспроизводится в процессе познания. Это обстоятельство было отмечено К. Марксом, а затем и многими философскими учениями XX в. Как понимать объект познания и насколько (в каких формах) противопоставлять его субъекту – это выясняется лишь в конкретном анализе познавательных ситуаций. Такого рода сложности не следует пугаться, если мы рассматриваем теорию познания как исследование; ведь и понимание содержания, скажем, современной квантовой физики или молекулярной генетики невозможно без основательной аналитической работы специалиста. У нас нет достаточных оснований для связывания понятия знания с каким-либо его отдельным историческим типом; у знания нет и какой-то одной структурно или

содержательно адекватной формы; идентификация знания как знания не должна непременно осуществляться на основе некоторой иерархии, лишаящей определенные формы сознания всякого когнитивного содержания [Касавин, 2013].

Помимо этого приходится признать, что не существует никакой мистической процедуры «пересаживания внешнего содержания в голову» в процессе деятельности и общения. Поэтому не стоит ее искать и выводить из нее понятие знания. Скорее, стоит выстраивать его типологическое определение, выделяя несколько типов знания: эмпирически-созерцательное, поисково-ориентировочное, нормативно-регулятивное, ценностно- и целеполагающее, проективно-конструктивное и ряд других, слитых воедино в сложных исторически конкретных формах деятельности и коммуникации.

В рамках эпистемологического анализа уже стало традицией ставить под вопрос соотношение эмпирического и нормативного содержания знания. С именем Дэвида Юма часто связывают формулировку т. н. гильотины Юма: тезиса о несовместимости фактических суждений и суждений о ценностях, нормах и иных ненаблюдаемых сущностях. Однако в точном смысле слова понятие «гильотины Юма» (Hume's guillotine) ввел Макс Блэк, пытаясь опровергнуть тезис Д. Юма о том, что из утверждений о фактах нельзя вывести общих утверждений [Black, 1964, p. 166]. Примечательно, что многие любители сослаться на этот принцип полагают, что это Юм сам так его окрестил.

Так или иначе, но «гильотина Юма» во многом нормативно предписывает уже упомянутое выше «классическое» понятие знания, в котором под знанием понимается обоснованное истинное убеждение (belief), причем убеждение имеет форму суждения – повествовательного предложения. Последнее определяется в словарях как описание положения дел или сообщение о каком-либо факте, явлении, событии, утверждаемых или отрицаемых. Примечательно, что это определение, несмотря на описательную форму, само обладает нормативным характером и используется для демаркации знания от не-знания, т. е. прочих фактов сознания – нравственных норм, эстетических идеалов, экзистенциальных переживаний, об эмпирической истинности и логической обоснованности которых судить затруднительно.

Таким же нормативным характером отличается и понятие истины в классической эпистемологии, призванное отграничить научное (истинное) знание от вненаучных иллюзий и заблуждений. Однако оно обладает лишь ограниченной функциональностью, не позволяя рационально реконструировать всю историю познания. И здесь, как представляется, следует не отбрасывать понятие истины, а дополнить его новой интерпретацией в контексте понятий «дескрипция» и «экспертиза» и разграничения научного и философского понятия истины [Касавин, 2009, с. 5–12].

После Юма эволюционная биология Ч. Дарвина стала основанием для новой проблематизации нон-когнитивного статуса всяких форм сознания, не укладывающихся в классическое определение знания. В частности, дарвинизм дал научные аргументы в пользу новой версии морального натурализма, согласно которой моральные нормы могут найти объяснение как формы биологической адаптации и тем самым содержат в себе некоторое отнесение к природной реальности. Дж. Э. Мур подверг критике эту позицию, назвав ее «натуралистической ошибкой» [Мур, 1984, с. 76]: моральным чувствам и поступкам нет соответствия в мире природы и науки. В моральной эпистемологии конца XX в. **противостояние эмпиризма и априоризма, когнитивизма и нон-когнитивизма, натурализма и релятивизма** стало средоточием дискуссий, которые ведутся и до сих пор [Микешина, 1990; Максимов, 2003].

Уайт против Куайна: возможны ли объективные основания морально-ценностного дискурса?

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения Мортон Уайта (1917 – 27 мая 2016) – американского философа (Гарвард и Принстон), долгожителя, лишь чуть не дотянувшего до столетнего юбилея, автора концепции прагматического холизма. Это достойный повод для того, чтобы уделить внимание его дискуссии с Уиллардом ван Орманом Куайном по интересующим нас вопросам, которая состоялась тридцать лет тому назад.

В Гарварде Уайт был коллегой Куайна, и их философские взгляды тесно взаимосвязаны, особенно в неприятии резкого различия между априористскими и эмпирическими утверждениями. Но Уайт отвергает мнение Куайна, что «философия науки – достаточная философия». Используя аргументы холистического прагматизма, Уайт утверждает, что философское исследование в той же мере имеет своим предметом культурные институты за пределами науки, такие как право, мораль и искусство. Он подводит к мысли о том, что и сама наука должна быть понята холистически, т. е. как элемент культурного целого.

Уайт соглашается с тезисом Куайна о том, что законы и факты науки объединены в целостную систему высказываний, в которой смысл и оценка каждого отдельного утверждения производна от его отношений к данной целостности. Этот принцип известен, в частности, в философии науки как недетерминированность теории фактами.

Я считаю, что мы можем делать корректные нормативные утверждения в эпистемологии, которые не сводятся к чистым описаниям. Мы тестируем системы, которые содержат эти нормативные

заявления, холистически. Нет ничего такого в этом процессе или в процессе тестирования систем, содержащих нормативные этические утверждения, что должно пугать Куайна как сторонника эмпиризма или натурализма. Я не прячу никаких сверхъестественных карт в рукаве и не создаю сверхнаучных судебных инстанций, если использовать выражение Куайна. Я просто призываю его признать, что мы можем делать этические, а также эпистемологические утверждения о том, что мы должны или имеем право делать, и что мы обращаемся к переживаниям наряду с сенсорным опытом, когда мы тестируем системы, содержащие такие утверждения [White, 1986, p. 650].

Как и ожидал Уайт, его коллега с ним не согласился. И их главное расхождение, по мнению Куайна, состоит в том, что Уайт не принимает идею специального эпистемологического статуса науки вообще и научных фактов, в частности. Вот как афористично выражает эту мысль Куайн: «Своей объективностью естествознание обязано intersубъективным блокпостам, заключенным в предложениях наблюдения, но в моральных суждениях нет такого каменного фундамента» [Quine, 1986, p. 664]. И далее он развивает свою идею эпистемических ценностей и их отличия от ценностей моральных. Оказывается, что натурализация эпистемологии вовсе не отбрасывает нормативные элементы знания и не делает ставку исключительно на его описание. Скорее, нормативная эпистемология является своего рода инженерией. Это технология поиска истины или, подыскивает Куайн более осторожное выражение, «технология предсказания». Как в любой области техники, эпистемолог свободно использует любые научные данные, которые подходят для достижения цели. Он опирается на математику, рассчитывая стандартные девиации и вероятные ошибки или выискивая ошибку игрока. Экспериментальная психология помогает выявить перцептивные иллюзии, а когнитивная психология способствует мыслительным процессам. Нейронаука и физика разоблачают претензии парапсихологии и оккультизма. В этом смысле наука обладает нормативной ценностью для эпистемологии.

«Однако, – полагает Куайн, – наука не ставит вопрос о высшей ценности, как в морали; это лишь вопрос эффективности для скрытой цели – истины или предсказания. Нормативность здесь, как во всякой инженерии, оборачивается дескриптивностью при достижении предельного параметра. Примерно то же можно сказать о морали, если рассматривать ее цель как вознаграждение на небесах. Моральные ценности иногда переплетаются с эпистемологическими нормами, но их связь не является неразрывной. Фальсификация эксперимента внеморальна, а также неэффективна с точки зрения вознаграждения славой или успехом. Уайт ссылается на мою фразу о “высшем долге (duty) языка, науки и философии”, но я использую эти слова так, как если бы речь шла о силовом кабеле (heavy-

duty cabel) или тракторе. Именно в этом назначении языка, науки и философии подобно назначению глаз, используемых для зрения» [Quine, 1986, p. 665].

Заметим, что специальный эпистемологический статус науки, по Куайну, вовсе не опирается на ее трактовку как высшей культурной ценности. Напротив, его апелляция к науке как основе эпистемологии исходит из прагматического, чисто утилитарного представления о науке как успешном предприятии, использующем наилучшие когнитивные ресурсы – предложения наблюдения и формальную логику, вопрос об обосновании которых даже не ставится. Уайт поступает точно так же: для него переживания, эмоции представляют собой эмпирическую основу нормативно-ценностного сознания, и он рассматривает их по аналогии с ролью чувственного опыта для проверки концептуальных построений в науке. Этот вопрос о моральных фактах: являются ли они более субъективными по сравнению с фактами восприятия и как это обосновать?

Нормативная эпистемология vs. эпистемическая природа нормы

Обратимся к свидетельству уже современного сторонника нормативной реалистической эпистемологии – Пола Богосяна. Отстаивая объективность научного познания, он оговаривается, что не является во всех случаях приверженцем «объективизма фактов» (fact-objectivist). Он сравнивает суждения космологии и морали и приходит к выводу, что первые объективны, а вторые субъективны.

Так, суждение «У Юпитера 30 лун» якобы основывается на объективных, независимых от сознания фактах и поэтому является истинным. Суждение же «Чавкать макаронами неприлично» справедливо лишь для США и ошибочно для Японии, в которой приняты иные нормы поведения во время трапезы. И опять-таки, высказывание «Деньги – вещь, не существующая вне сознания» констатирует объективный факт.

Однако едва ли не в большей мере, чем звезды и планеты, объективным существованием обладают деньги, субъективность которых почему-то подчеркивает Богосян. Конечно, если лишить нашу Солнечную систему Солнца, то мы наглядно убедимся в его объективности. Однако такой эксперимент нам провести не под силу в отличие от лишения того или иного небесного тела статуса планеты, как произошло с Плутоном в год выхода книги Богосяна [Boghossian, 2006]. А вот с деньгами дело обстоит иначе. Достаточно лишить человека, существующего в обычных условиях, всякого денежного содержания,

и он почти сразу убедится в объективной, т. е. независимой от сознания, природе денег. Не деньги зависят от нашего сознания, а мы, целиком и полностью, от их реального, никак не воображаемого наличия – таково объективное положение дел.

История с макаронами и чавканьем, конечно, совсем иного разряда. И мы допустим, вслед за Богосяном, определенную правомерность морального релятивизма, поскольку в разных культурах разные нормы. Но здесь же возникает вопрос. Почему же сам Богосян совсем иначе относится к моральному спору о геноциде армян в 1915 г.? Турецкие историки не считают избиение и депортацию армян из Турции геноцидом, обосновывая это тем, что в те времена доминировали другие моральные, культурные и политические нормы. А такого понятия, как «геноцид», вообще не существовало. Однако Богосян здесь настаивает на приоритете самого факта физического уничтожения и изгнания вне зависимости от его конкретно-исторической социальной оценки: в основании морали, как оказывается, тоже лежат «упрямые факты»! [Boghossian, 2007].

В таких вопросах, как представляется, нужно учитывать значительно больший комплекс факторов. Мы проблематизируем те или иные трагические события (геноцид армян, Волынскую резню, Холокост, сталинские репрессии и т. п.) в истории не потому, что они имеют или не имеют места в действительности. Отношение к ним отличается от отношения к физическим фактам. Почему бы нам не вспомнить кровавую бойню на Бородинском поле и не разорвать дипломатические отношения с Францией, если она не признает захватнической цели наполеоновского похода? Почему бы туркам не предъявить претензии грекам за Троянскую войну, если те не признают ответственности за убийство мирных горожан? Получается, что эти вопросы как-то отличаются от вопроса по поводу, например, Холокоста, непризнание которого в наши дни означает банальное варварство и игнорирование международного права. Во всех подобных случаях важны не только и не столько физические факты (кто кого и в каком количестве уничтожил и т. д.), сколько санкционированная обществом моральная и юридическая оценка мотивов и характера деяния, производная от определенных национальных, культурных, политических интересов. В большинстве случаев она представляет собой наложение современных представлений на историческое событие, которое ранее уже получило оценку, и тогда между собой начинают конкурировать две разные оценки. И, как известно, единственным объективным основанием выбора между ними является intersubjective согласие, которое как раз является предметом исследования эпистемолога с точки зрения определившего его многообразия факторов и контекстов. Сегодня большинство цивилизованных людей согласно по поводу геноцида армян и Холокоста, но, скажем, в отношении сталинских репрессий у российских граждан или Волынской резни у украинцев, как

ни странно, до сих пор мнения расходятся. Поэтому, чтобы установить истину в таких случаях, нужно апеллировать не столько к физическим фактам, сколько исследовать, насколько и каким образом некоторое социальное событие вписывается в доминирующую систему социальной легитимации. *Конструирование* такой системы (чему, кстати, и во многом служат исследования историков) и есть способ обеспечения торжества исторической истины. Так что и в моральных вопросах не наивный реализм, а именно конструктивизм и релятивизм позволяют нащупать более верный путь рассуждения. Таким образом, нормы и ценности оказываются предметом анализа и конструирования для эпистемолога, если он способен отрешиться от нормативного взгляда на познания. Ибо мы встречаемся с парадоксом: нормативная эпистемология не замечает собственно эпистемической природы нормы!

Итоги

Не будем далее вдаваться в аналитические дискуссии по философии морали, нередко имеющие своим предметом индивидуальное сознание и его самонаблюдение, а также конечную редукцию морали к фактам индивидуального сознания. Сразу же переведем внимание на культурные объективации переживаний и восприятий, что позволяет увидеть: в каждом артефакте культуры оба эти элемента сознания представлены по-разному. Живописное полотно, скрипичный концерт, театральная постановка выдвигают эмоциональный ряд на первый план. Протокол биологических наблюдений, математическая формула, наглядная модель атома глубоко скрывают в себе переживания творческой личности, которые сопровождали научное исследование. Однако и наука, и искусство невозможны без материала человеческой чувственности в полном объеме. Вопрос лишь в том, как она объективирована, какими способами ее исследовать и какова содержательная степень ее воздействия на конечный результат, курсирующий в общественной практике. Так, для скульптур Родена или архитектурных творений Гауди строительный материал не слишком важен. Материальный носитель трактата И. Ньютона выполняет также незначительную функцию. Однако вещество, лежащее в основе ракетного топлива или покрытия ракеты, во многом определяет ее полет. Такие материалы, как графен, вообще переворачивают наши представления о материаловедении: они играют главную роль в конструкции объекта. Поэтому поставленный вопрос имеет лишь ситуативный ответ: каждая конкретная ситуация должна анализироваться в деталях, и истина лежит в учете совокупности всех условий формирования и дальнейшего существования артефакта в культуре. Эмоции и восприятия, описания и нормы, идеалы и логиче-

ские выводы – все эти инструменты играют свои партии, а возникающие из их созвучий обертоны образуют всякий раз новую аранжировку целостной симфонии нашего познания. Неклассическая эпистемология, расставаясь с ригоризмом наивных апологетов классической теории познания, становится синтетическим учением о познавательном содержании всей человеческой жизни.

Список литературы

- Касавин, 1999 – *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1999. 408 с.
- Касавин, 2009 – *Касавин И.Т.* Истина: вечная тема и современные вызовы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2009. Т. 20. № 2. С. 5–12.
- Касавин, 2013 – *Касавин И.Т.* и др. Гуманитарные знания и социальные технологии // *Вопр. философии*. 2013. № 9. С. 3–30.
- Максимов, 2003 – *Максимов Л.В.* Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003. 160 с.
- Микешина, 2007 – *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
- Микешина, 2007 – *Микешина Л.А.* Ценностные предпосылки в структуре научного знания. М.: Прометей, 1990. 208 с.
- Мур, 1984 – *Мур Дж.* Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
- Невважай, 2014 – *Невважай И.Д.* Критерии научности в нормативных теориях: неокантианство и теория права Ганса Кельзена // *Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2014. Т. 14. № 2–1. С. 25–30.
- Gettier, 1963 – *Gettier E.* Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. No. 6. P. 121–123.
- Ayer, 1956 – *Ayer A.J.* The Problem of Knowledge. L.: Macmillan & Co., Ltd., 1956. 224 p.
- Black, 1964 – *Black M.* The Gap between “Is” and “Should” // *Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. No. 2. P. 165–181.
- Bloor, 1997 – *Bloor D.* Wittgenstein: Rules and Institutions. N. Y.: Routledge, 1997. 192 p.
- Boghossian, 2006 – *Boghossian P.* Fear of Knowledge. Against Relativism and Constructivism. Oxford: Clarendon, 2006. 160 p.
- Boghossian, 2007 – *Boghossian P.* Fear of Terminology. An Interview with Paul Boghossian. By Khatchig Mouradian // *Aztag Daily*, Sunday, June 3, 2007.
- Kripke, 1982 – *Kripke S. A.* Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press. 1982. 160 p.
- Holtzman, Leich, 2010 – Wittgenstein: To Follow a Rule / Ed. by Holtzman S., Leich Ch. N. Y.: Routledge. 2010. 268 p.
- Quine, 1986 – *Quine W.* Reply to Morton White // *The Philosophy of W.V. Quine / Ed. by L.E. Hahn and P.A. Lewis*. La Salle, Illinois: Open Court, 1986. P. 663 – 665.
- White, 1986 – *White M.* Normative Ethics, Normative Epistemology, and Quine’s Holism // *The Philosophy of W.V. Quine / Ed. by L.E. Hahn and P.A. Lewis*. La Salle, Illinois: Open Court, 1986. P. 649–662.

References

- Ayer, A. J. *The Problem of Knowledge*. London: Macmillan & Co., Ltd., 1956. 224 pp.
- Black, M. The Gap between “Is” and “Should”, *Philosophical Review*, 1964, vol. 73, no. 2, pp. 165–81.
- Bloor, D. *Wittgenstein: Rules and Institutions*. New York: Routledge, 1997. 192 pp.
- Boghossian, P. *Fear of Knowledge. Against Relativism and Constructivism*. Oxford: Clarendon, 2006. 160 pp.
- Boghossian, P. Fear of Terminology. An Interview with Paul Boghossian. By Khatchig Mouradian, *Aztag Daily*, 2007, Sunday, June 3.
- Gettier, E. Is Justified True Belief Knowledge?, *Analysis*, 1963, vol. 23, no. 6, pp. 121–123.
- Holtzman, S., Leich, Ch. (eds.). *Wittgenstein: To Follow a Rule*. New York: Routledge. 2010. 268 pp.
- Kasavin, I. T. *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoi teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of knowledge]. Saint Petersburg: RKhGI, 1999. 408 pp. (In Russian)
- Kasavin, I. T. Istina: vechnaya tema i sovremennye vyzovy [Truth: an eternal theme and modern challenges], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. 20, no. 2, pp. 5–12. (In Russian)
- Kasavin, I. T. et al. Gumanitarnoe znanie i sotsial'nie tekhnologii [Humanities and social technologies], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 9, pp. 3–30. (In Russian)
- Kripke, S. A. *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press. 1982. 160 pp.
- Maksimov, L. V. *Kognitivizm kak paradigma gumanitarno-filosofskoi mysli* [Cognitivism as a paradigm of social thought and humanities]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 160 pp. (In Russian)
- Mikeshina, L. A. *Epistemologiya tsennosti* [Epistemology of values]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 439 pp. (In Russian)
- Mikeshina, L. A. *Tsennostnye predposylki v strukture nauchnogo znaniya* [Value preconditions in the structure of scientific knowledge]. Moscow: Prometei, 1990. 208 pp. (In Russian)
- Moore, G. *Printsipy etiki* [Principles of Ethics]. Moscow: Progress, 1984. 327 pp.
- Nevvazhay, I. D. **Kriterii nauchnosti v normativnykh teoriyakh: neokantianstvo i teoriya prava Gansa Kel'zena** [Scientific Criteria in Normative Theory: Neo-Kantianism and Kelsen's Theory of Law], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2014, vol. 14, no. 2–1, pp. 25–30. (In Russian)
- Quine, W. Reply to Morton White, in: L. E. Hahn and P. A. Lewis (eds.). *The Philosophy of W. V. Quine*. La Salle, Illinois: Open Court, 1986, pp. 663–665.
- White, M. Normative Ethics, Normative Epistemology, and Quine's Holism, in: L. E. Hahn and P. A. Lewis (eds.). *The Philosophy of W. V. Quine*. La Salle, Illinois: Open Court, 1986, pp. 649–662.